

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов»

На правах рукописи

НИКИТИН Максим Юрьевич

**ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
КОНФЛИКТОГЕННОГО МАССМЕДИЙНОГО ДИСКУРСА**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук по
специальности

5. 9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика

Москва
2023

Работа выполнена на кафедре русского языка, современной русской и зарубежной литературы гуманитарного факультета ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»

Научный руководитель:

Карабулатова Ирина Советовна,
доктор филологических наук 10.02.19,
профессор, профессор кафедры русского языка,
современной русской и зарубежной литературы
гуманитарного факультета ФГБОУ ВО
«Воронежский государственный педагогический
университет»

**Официальные
оппоненты:**

Волкова Яна Александровна,
доктор филологических наук 10.02.19, доцент,
профессор кафедры теории и практики
иностранных языков Института иностранных
языков ФГАОУ ВО «Российский университет
дружбы народов»

Костева Виктория Михайловна,
доктор филологических наук 10.02.19, доцент,
профессор кафедры общего и сравнительного
языкознания ФГБОУ ВО «Московский
государственный лингвистический
университет»

Хачмафова Зайнета Руслановна,
доктор филологических наук 10.02.19, доцент,
заведующий кафедрой французской и немецкой
филологии ФГБОУ ВО «Адыгейский
государственный университет»

Защита состоится 10 февраля 2023 г. в 13.00 на заседании диссертационного совета ПДС 0500.006 при ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корпус 2 «А», ауд.535.

С диссертацией можно ознакомиться в Учебно-научном информационном библиотечном центре (Научной библиотеке) ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6.

Объявление о защите и автореферат диссертации размещены на сайтах <http://vak.ed.gov.ru> и <https://www.rudn.ru/science/dissovet/dissertacionnye-sovety/pds-0500006>

Учёный секретарь
диссертационного совета ПДС 0500.006
кандидат филологических наук, доцент

С.Г. Коровина

Предлагаемая реферируемая работа посвящена анализу лингвосомиотических характеристик современного мультимодального медиадискурса. Предлагаемая тема диссертационной работы связана с актуализацией вопросов манипулирования общественным сознанием в условиях когнитивных информационных войн и поисков мер работы с конфликтами в современном медиадискурсе.

В исследовании ставится вопрос анализа лингвосомиотических особенностей конфликтогенности, содержащейся в современном массмедийном дискурсе. Считаем правомерным разграничить **собственно конфликтный** и **конфликтогенный** (порождающий, продуцирующий конфликт) дискурс. Мы понимаем под **конфликтогенным дискурсом** специфическое речевое взаимодействие коммуникантов, доминантная иллокуция (в терминологии Дж. Остина¹ [1999] – М. Н.) которого сопряжена с конфронтацией коммуникативных целей через использование имплицитных и эксплицитных инвективов, формирующих ярко-выраженный негативный психоэмоциональный фон у участников. Такое разделение оправданно, поскольку помогает понять генезис конфликта как такового, что позволяет разработать лингвистический инструментарий выявления конфликтогенности как **персуазивной информационной напряженности** в современной массмедийной картине мира.² Персуазивность трактуется исследователями, как «способ воздействия на систему убеждений адресата посредством аргументации»,³ при этом информационная напряженность понимается нами, согласно разъяснениям Роспотребнадзора, как «распространение общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности».⁴ В связи с этим ставится вопрос о персуазивной информационной напряженности конфликтогенного медиадискурса, как неотъемлемой составляющей современных информационных войн.

Актуальность работы связана также с тем, что сам феномен конфликтогенности относится к социальным стигмам,⁵ поэтому ее анализ весьма востребован в лингвистике, но замещен рассмотрением уже развернутого конфликта.⁶ Терминология конфликтологии⁷ активно разрабатывается с применением лингвистического, психологического, социологического и политологического инструментария, реализуясь в рамках лингвоконфликтологии,⁸ политической конфликтологии,⁹ экономической

¹ *Остин, Дж.* Как производить действия при помощи слов / Пер. с англ. яз. В. П. Руднева; Смысл и сенсibiliти / Джон Остин; Пер. с англ. яз. Л. Б. Макеевой. - М.: Дом интеллектуал. кн.: Идея-Пресс, 1999: 329.

² *Громько, С.А.* Персуазивный комплекс как единица анализа парламентского дискурса/ С. А. Громько// Научный диалог. 2021. 4: 66-79. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-4-66-79>; *Лучинская, Е. Н.* Формирование медийной картины мира в информационном обществе/Е. Н. Лучинская, А. В. Осташевский// Вестник Пятигорского государственного университета, 2019. 4: 114-116.

³ *Харджиева, Е. С.* Персуазивность в детективно-следственном дискурсе: на материале романов Н.И. Леонова и А.В. Макеева: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Харджиева Екатерина Степановна; [Место защиты: Юж. федер. ун-т]. - Ростов-на-Дону, 2016: 3.

⁴ Цит. по: *Кодачигов, В.* График работа: фейки в Сети по запросу властей найдет алгоритм/В. Кодачигов// Известия, 26.07.2022 [Электронный ресурс]: [График работа: фейки в Сети по запросу властей найдет алгоритм | Статьи | Известия \(iz.ru\)](#)

⁵ *Гаунова, Д. Х.* Стигматизация как форма проявления социального маркирования/ Д. Х. Гаунова // Социально-гуманитарные знания. 2014. 7: 284-290.

⁶ *Бородько, Д. А.* Вербализация концепта «Вооруженный конфликт» в немецкоязычном новостном интернет-дискурсе: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Бородько Дмитрий Александрович; [Место защиты: Пятигор. гос. лингвист. ун-т]. - Пятигорск, 2013: 28.

⁷ *Анцупов, А. Я.* Конфликтология/ А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. - 7-е изд. - Санкт-Петербург [и др.]: Питер, 2020: 559.

⁸ *Кара-Мурза, Е. С.* Лингвоконфликтология и конфликты в русском медиапространстве (анализ двойного кейса) /Е. С. Кара-Мурза// Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2020. 1: 18-27.

⁹ *Знаменский, Д. Ю.* Политическая конфликтология / Д. Ю. Знаменский. - Москва: Спутник+, 2019: 250.

конфликтологии,¹⁰ психологии конфликта и социальной конфликтологии,¹¹ этнической и конфессиональной конфликтологии,¹² гендерной конфликтологии.¹³ Так, в медиадискурсе неоднократно описывались различные массовые конфликтные действия, случаи мотивированного/ немотивированного этнического/этноконфессионального, социально-бытового насилия, политического протеста с эксплуатацией различных форм идентичности, потенциального или явного конфликта.¹⁴ Тематика конфликтогенных сообщений отражала события в различных регионах России и других государствах с потенциально высокой конфликтогенностью «цветных революций»,¹⁵ находя особую востребованность в странах и республиках Кавказского региона.¹⁶ Игра со смыслами на оси дихотомии «свой – чужой» усиливает конфликтогенность публикаций о миграции вследствие социально-экономических и военно-политических ситуаций на постсоветском пространстве, разночтений славянской этнокультурной общности (Украина, Белоруссия), а также Кавказского региона и сопряженных с ним государств (Абхазии и Грузии, Армении и Азербайджана, Турции и Ирана), усугубляя геополитические проблемы, способствуя конфликтогенности и поляризации оценок.¹⁷ Особенно ярко конфликтогенный дискурс проявляется в российско-украинском противостоянии (2014–по н.в.), демонстрируя новый уровень использования вербально-невербальных средств ведения информационных войн на современном этапе.¹⁸ Отдельные позиции занимает конфликтогенность тем с детским и подростковым насилием, семейными конфликтами, социальным неравенством, гендерным дисбалансом, межличностными отношениями и т.д. Выявление функциональной роли речевых конфликтогенов в диалого-полилогической коммуникации анализируется в рамках прагматической риторики.¹⁹ Прагматика единиц конфликтогенного дискурса обусловлена их функциональной спецификой, которая и создает содержание такого медиадискурса, а также репертуар интенций и рецепций коммуникантов, оппонирующих друг другу в публичном пространстве.²⁰

¹⁰ Юденков, Ю. Н. Экономическая конфликтология/ Ю. Н. Юденков, Р. В. Пашков, В. В. Кононов; под общ. ред. В. И. Якунина. - Москва: КноРус, 2017: 221.

¹¹ Сухов, А. Н. Социальная конфликтология/ А. Н. Сухов. - Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2021: 255.

¹² Куделин, А. А. Этническая и конфессиональная конфликтология: учебно-методическое пособие / А. А. Куделин. - Москва: Российский ун-т дружбы народов, 2014: 19.

¹³ Коростылева, Н. Н. Основы гендерной конфликтологии / Н. Н. Коростылева. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та (ВГУ), 2003 (Обл. тип.): 185.

¹⁴ Barabash V.V. The specific of the interpretation of tragedy over Sinai (October 31, 2015) as a focus of information attention of the «VKONTAKTE» social network/ Barabash V.V., Bobryshova A.S., Lepilkina O.I., Karabulatova I.S. // *Astra Salvensis*. 2018, 6 (1): 289-310.

¹⁵ Родькин, П. Е. Революция потеряла цвет: «цветные революции» 2004-2014: гуманитарный и коммуникационный феномен войны нового типа / Павел Родькин. - Москва: Совпадение, 2015: 115.

¹⁶ Папаскир, А.Л. Обезы (абхазы) в древнерусских источниках и некоторые проблемы истории Абхазии. 2ое изд. – Сухум: Абхазский государственный университет, 2021: 758; Семкин, М.А. Дискурс политического комментария в технологии ведения информационных войн (на примере отражения грузино-осетинского конфликта в российских и англоязычных СМИ) // *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*. 2012, 2: 167-175; Karabulatova, I. S. The Mythologization of the Abrek's Image in the Modern Caucasian Linguistic Consciousness/ Karabulatova, I. S., Lyausheva, S.A., Khachmafova, Z.R., Savchuk, I.P., Shibkova, O.S. // *Astra Salvensis*, 2018, 6, 12: 737-744.

¹⁷ Навасартян, Л. Г. Языковые средства и речевые приемы манипуляции информацией в СМИ: на материале российских газет: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01/ Л. Г. Навасартян. – Саратов: СГУ, 2017: 22; Zappettini, Franco. Emotionalisation of contemporary media discourse: A research agenda/ Zappettini, Franco, Douglas M. Ponton & Tatiana V. Larina. // *Russian Journal of Linguistics*, 2021, 25 (3). 586–610. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-586-610>.

¹⁸ Ehsan-Ul Haq, Gareth Tyson, Lik-Hang Lee, Tristan Braud, and Pan Hui. Twitter Dataset for 2022 Russo-Ukrainian Crisis [Electronic source]: [2203.02955.pdf \(arxiv.org\)](https://arxiv.org/abs/2203.02955)

¹⁹ Воробжитова, А. А. Лингвориторическая парадигма как исследовательская призма: из 9-мерности в 16-мерность и 32-мерность/ А. А. Воробжитова// *Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты*, 2021. 25 (1): 20.

²⁰ Савицкая, А. С. Средства массовой информации в ситуации конфликтного взаимодействия /А. С. Савицкая// *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*. 2009. 92: 84-88; Костенко, Е. В. Когнитивный аспект влияния

Конфликтогема содержит в себе потенциал конфликта, поскольку обладает конфликтогенным созначением в коннотате, служа регулятором коммуникации, исходя из заданной ситуации в соответствии с функционально-семантическим представлением противопоставленности позиций коммуникантов.²¹

Цель нашей работы: описать лингвосемиотические особенности современного конфликтогенного медиадискурса, – решением **следующих задач**:

1) определить объем и содержание понятий «конфликт», «конфликтное событие», «конфликтный дискурс», «конфликтогенный дискурс», «конфликтогема», «конфликтогенный репликовый шаг»;

2) осуществить динамическое лингвомоделирование современного конфликтогенного дискурса с разработкой каталога типологизированных ситуаций конфликтного общения с учетом мотивационных критериев целеполагания конфликта; охарактеризовать функциональные признаки каждого типа конфликтогенного дискурса на каждом этапе сценарной реализации конфликтной интеракции;

3) охарактеризовать вербальные технологии порождения конфликтных ситуаций с проведением ранжирования конкретных приемов актуализации конфликтогенного потенциала коммуникации в соответствии со стереотипизированным алгоритмом их функционирования;

4) выстроить семиотическое пространство конфликтогенного дискурса с выделением семантических и прагма-риторических спецификаций в самих конфликтогенных дискурсивных практиках;

5) рассмотреть лингвистические параметры конфликтогенного дискурса в публичном пространстве; проанализировать и составить реестр ролевых вербальных маркеров языкового конфликтного поведения;

6) систематизировать общие лингвосемиотические особенности функционирования конфликтогенного дискурса как одного из востребованных типов публичной медиакommunikации;

7) провести детекцию конфликтогенных коммуникативных шагов в формализуемых сценариях конфликтогенного дискурса с применением предлагаемой классификации конфликтогем: пусковых конфликтогем-инициаторов, усиливающих конфликтогем-пассионатов, пролонгирующих конфликтогем или конфликтогем-пролонгаторов, ослабляющих конфликтогем-нейтрализаторов, затухающих конфликтогем-гармонизаторов, завершающих конфликтогем-стабилизаторов, – обеспечивающих зарождение, инициацию конфликта с последующим развитием и завершением конфликтогенной ситуации на разных этапах коммуникативной интеракции;

8) рассмотреть лексико-семантический и эмоционально-оценочный репертуар моделирующих конфликтогем в контексте индивидуально и/ или социально осознаваемой (неосознаваемой) оценки коммуникантами собственной конфликтогенности в обыденном языковом поведении; формализовать языковые представления о субъективно-объективном состоянии комфорта/ дискомфорта в конфликтогенном дискурсе в контексте расширения использования «окна дискурса» для переключения оценки с негативной на позитивную в масс-медийном пространстве.

Объект исследования – современный конфликтогенный медиадискурс. **Предмет** исследования: лингвосемиотические особенности современного медиадискурса.

Реализация языкового поведения в конфликте изобилует разнообразием форм, поливариативностью языковых манифестаций той или иной конфликтогенности. В связи с этим было важным как оценить параметры языкового поведения в конфликте, так и охарактеризовать лингвосемиотические особенности конфликтогенного дискурса.

сетевых СМИ на массовое сознание// Вестник Национального государственного университета. 2012, 5-3: 50-54.

²¹ Карасик, В. И. Языковые мосты понимания: монография/ В. И. Карасик. – Москва: Дискурс, 2019: 524.

Конфликтотенность может быть рассмотрена сквозь призму динамической модели согласованного/ рассогласованного общения, базирующейся на коллективном продвижении конфликтотенных типажей в массмедиа с использованием лингвосомиотических особенностей конфликта. **Конфликтотенный типаж** понимается нами как провокативный тип коммуникативной личности среди других коммуникативных типажей. Нами выделено несколько конфликтотенных типажей (**правдоискатель, кляузник, склочник, сплетник, тихушник, подстрекатель** и т.д.). Ранее в литературе был определен лишь тип «**правдолюб**», но без указания на конфликтотенность данного коммуникативного типажа.²²

Материалы для исследования были извлечены из источников открытого доступа, которые отражают устную и письменную речь русскоязычных коммуникантов. Прежде всего, это электронные версии русскоязычных СМИ («АиФ», «Свободная пресса», «Известия», «Царьград», «Газета.ru», «Ura.ru», «Комсомольская правда», «RT-Sputnik» и др.), материалы социальных сетей («ВКонтакте», «Одноклассники», «Телеграмм»), авторских каналов Яндекс-Дзен. Часть некоторых наших выводов и результатов вполне коррелирует с пониманием конфликта как общечеловеческой универсалии эмотивности общения,²³ что подтверждается привлечением материалов европейских англоязычных (The Guardian, The Telegraph), франкоязычных (L'express: Style de vie), а также китайских (China Daily) и украинских (Українська правда, Газета по-львівськи, Знай.UA) СМИ, находящихся в открытом и разрешенном доступе в России и освещающих такие конфликтотенные темы, как: домашнее насилие, проблемы гендера и эйджизма, миграция, геополитические конфликты, дискредитация власти и т.д. Общий объем: 5220 конфликтотенных статей. В том числе 4358 на русском языке, посвященных освещению событий различной степени социально-политической значимости: скандал по поводу территории IKEA в Химках (2010-2021) – 75 публикаций; 460 статей, посвященных конфликту из-за нарушений в ходе строительства экотехнопарка «Шиес» (2017 – 2022); публикации о социальных волнениях, включенных в алгоритм «цветных революций», разнообразных социально-бытовых конфликтах на постсоветском пространстве (2013-2022) - свыше 3000 публикаций. Так, только обсуждение стихотворения А. Дмитрук «Никогда нам не быть братьями» в медиaprостранстве с 01.01.2014 по 15.03.2022 составило 57 публикаций, которые подверглись нашему анализу. Эти статьи были сопоставлены с публикациями советского периода и первых постсоветских лет относительно других конфликтов (грузино-осетинский, абхазо-грузинский, армяно-азербайджанский). Освещение геополитических конфликтов в медиадискурсе сравнивалось со стратегиями описания межпоколенческих, семейных, производственных конфликтов для выявления общих алгоритмов конфликтотенности. В качестве сравнения конфликтотенности по теме «Дискредитация власти» были проанализированы публикации, связанные обсуждением жены президента Франции – Б.Макрон, и с публичным скандалом в семье сенатора от ХМАО Э. Исакова в российском и зарубежном новостных дискурсах. В рамках темы «Насилие»/ «Домашнее насилие» рассматривались статьи, посвященные так называемому «делу сестер Хачатурян» (общий объем – 163 тыс. статей в российских и русскоязычных источниках за 2018-2022гг). Конфликтотенность публикаций, обесценивающих победу СССР над фашизмом в Великой Отечественной войне, рассмотрена на примере публикации М.

²² *Панченко, Н. Н.* Коммуникативный типаж «правдолюб» // Н. Н. Панченко // Вестник ЧелГУ. 2008. 3: 110-116.

²³ *Чулкина, Н. Л.* Конфликтотенные зоны повседневности и их отражение в русском обыденном языковом сознании (на примере концептов коммуналка (коммунальная квартира) и сосед/ка, соседи // Вопросы психолингвистики, 2015, 26: 208 – 211; *Shaklein, V. M.* Models of rhetorical relations in Russian blogging as an indicator of interlocutors' information behavior/ Shaklein V M., Kovtunen I.V. // Russian Language Studies. 2021, 19 (2): 167-179.

Виторгана («Нам нечего праздновать») – с обсуждением в 219 тыс. статьях в русскоязычном секторе СМИ.

Методология исследования базируется на теории социального конфликта Г. Спенсера, К. Маркса и Г. Зиммеля,²⁴ которая вербально отталкивается от универсального процесса когнитивного диссонанса человеческого восприятия как такового.²⁵ Мы исходим из того, что конфликтогенный дискурс является частью реализации теории коммуникативной деятельности человека как субъекта, познающего мир вокруг себя и внутри себя. При этом человек отталкивается от конфликтной системы координат «свой – чужой», постепенно принимая ценностную парадигму принятия «свой – другой» [Чулкина, 2015]. Решение проблем лингвоконфликтологии невозможно без применения лингво-прагматического подхода, который сочетает в себе значимые виды для анализа языкового общения в конфликте: дискурсивный, лексико-семантический, прагматический, семиотический. Вместе с тем комплексное использование функционально-семантического,²⁶ прагмалингвистического,²⁷ и коммуникативно-прагматического²⁸ подходов к конфликтогенному медиадискурсу позволяет проанализировать слои матрицы этого типа медиадискурса с детализацией способов и вербально-невербальных средств выражения конфликтогенности.

Использование коммуникативно-прагматического подхода было предопределено необходимостью выявления ярусов и слоев конфликтогенности через определение речевых приёмов провокации конфликта, вербально-невербальных средств, детекцию лингвистических параметров конфликтогенности, среди которых главное место занимает эмотивное созначение,²⁹ провоцирующее конфликтогенность, маркируя отношение продуцента к описываемой ситуации или к предполагаемому оппоненту. В связи с этим необходим алгоритм проверки конфликтогенного дискурса для разграничения спецификаций конфликтогенных контекстов в ракурсе доминанты прагматического употребления. Дискурсивный подход обеспечил ранжирование конфликтогенных дискурсивных практик, которое осуществлялось в сравнении с регулятивным набором конфликтогем с учетом их значения и структуры, вероятностного психолингвистического моделирования. Лексико-семантический подход был реализован с применением методов компонентного анализа семантики лексических единиц, контент-анализа для определения частоты используемых языковых средств конфликтогенности в публикациях медиадискурса с их дальнейшей интерпретацией, а также с описанием функциональной роли. Акцент на лингвосемиотических особенностях медиадискурса³⁰ в аспекте

²⁴ Батуренко, С. А. Теория конфликта и проблема социального порядка/ С. А. Батуренко // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013, 3: 111-120.

²⁵ Хачмафова, З.Р. Языковая игра как лингвокреативный способ реализации оценочности в медиадискурсе/ Хачмафова, З.Р., Овчаренко, Е. Н. // Гуманитарные и социальные науки. 2022. 90 (1): 130 – 136; Волкова Я.А. Дискурсивная вариативность концептов деструктивных эмоций / Волкова Я.А., Панченко Н.Н. // Вестник РУДН. Сер.: Лингвистика. Russian Journal of Linguistics. 2018. 22 (1): 175-194. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-1-175-194>.

²⁶ Файбышенко, Н. Л. Функционально-семантический и прагматический анализ регулятивных средств аргументативного дискурса: на материале текстов парламентских выступлений в Конгрессе США: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Н. Л. Файбышенко. - Санкт-Петербург: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2002. - 16 с.

²⁷ Алферов, А. В. Европейский парламентский дискурс: пролегомены к теории политической речевой интеракции, прагмалингвистические очерки/ А. В. Алферов, Е. Ю. Кустова, Г. Е. Попова, И. Г. Тамразова; под научной редакцией А. В. Алферова, И. Г. Тамразовой. - Москва: Издательство Московского политеха, 2019: 245.

²⁸ Комарова, З. И. Коммуникативно-прагматическая парадигма в дисциплинарно-методологическом пространстве современной лингвистики /З. И. Комарова// Вестник ЧелГУ. 2013. 1 (292): 66-71.

²⁹ Исхакова, З. З. Эмотивно-дейктическая константа в семиосфере: монография/ З. З.Исхакова. – Москва: ФЛИНТА: Наука, 2014: 14.

³⁰ Дугалич, Н.М. Реализация политической карикатуры в креолизованных текстах на материале арабского и французского языков: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Дугалич Наталья

конфликтности предопределил использование таких методов анализа, как контекст-анализ, инвентаризация с функциональным анализом креолизованных единиц языкового конфликтного поведения, декомпозиция с определением доминант и регулятивов, интерпретация и пост-интерпретация лингвосомиотических знаков³¹ конфликтности, конструирования конфликтного медиадискурса как блендового пространства (по Ж. Фоконье) в контексте когнитивно-прагматического аспекта конфликтных импликаций и т.д. Прагматическая полиаспектность конфликтного медиадискурса обусловила применение методов функционального анализа, а полнота и степень социальной опасности конфликтного дискурса определялась с помощью социально-контекстуальных методов с указанием ролевых проявлений конфликтных коммуникативных типажей.

Теоретико-методологической базой диссертации стали труды отечественных и зарубежных исследователей в области:

- коммуникативистики [З. К. Беданокова³², И. И. Гулакова,³³ 2001; В. М. Костева³⁴, M.R. Zheltukhina³⁵, Н. Л. Чулкина³⁶ и др.];

- психолингвистики [Я.А. Волкова,³⁷; А. А. Залевская,³⁸ Т. В. Маркелова³⁹, К. Ф. Седов⁴⁰ и др.];

- лингвокультурологии [У. М.Бахтиреева⁴¹, С. Г. Коровина⁴², Е. Н. Малюга,⁴³ О. С. Чеснокова⁴⁴, В. М. Шаклеин⁴⁵ и др.];

Михайловна; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. – Москва, 2018. - 23 с.

³¹ Олянич, А. В. Лингвосомиотика этической интеракции: знак, слово, текст (дискурс) /А. В. Олянич// Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2014. 16: 218 – 238.

³² Беданокова, З. К. Ситком как дискурс деградации духовных ценностей (эвокативный анализ телевизионных ситуационных комедий)/З. К. Беданокова, Б. А. Гаврилова// Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение, 2019. 4 (247): 24-29.

³³ Гулакова, И. И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01, 10.02.19 / И. И. Гулакова. - Орел, Орлов. гос. ун-т 2004: 19.

³⁴ Костева, В.М. Речевые практики как инструмент языковой политики тоталитарных государств /В. М. Костева// Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. 9(851): 23-35.

³⁵ Zheltukhina, M.R. Institutional, Stereotypical and Mythological Media Markers of Modern Society/ Zheltukhina, M.R.// Biosciences Biotechnology Research Asia. April 2015, 12 (1): 913-920.

³⁶ Чулкина, Н. Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: лингвокультурологическое описание. - 4-е изд., стер. - Москва: Российский ун-т дружбы народов, 2021: 251.

³⁷ Волкова Я.А. Экология текста и скрытые механизмы деструктивности научного дискурса / Волкова Я.А. // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2021. 63: 202-207; Малюга, Е. Н. Функционально-прагматические особенности речевого поведения британских и американских участников межкультурной деловой коммуникации / Е. Н. Малюга. - Москва: Российский ун-т дружбы народов, 2007: 193.

³⁸ Залевская, А. А. Введение в психолингвистику/ А. А. Залевская. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2000: 382 с.

³⁹ Маркелова, Т. В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке: монография / Т. В. Маркелова. – М.: Московский гос. ун-т печати им. Ивана Федорова, 2013: 297.

⁴⁰ Седов, К. Ф. Языковая личность в аспекте психолингвистической конфликтологии/ К. Ф. Седов// Международная интернет-конференция «Диалог – 2002»: Режим доступа: URL: <http://www.dialog-21.ru/materials/archive.asp?id=7379> (дата обращения: 11.08.2021).

⁴¹ Бахтиреева, У. М. «Языковые ключи»: иноязычная лексика в транслингвальном (русофонном) художественном тексте/ Бахтиреева, У. М., Валикова, О. А. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. 13 (1): 184-200.

⁴² Коровина, С.Г., Ломакина, О. В. Номинации и характеристика бога в пословицах: лингвоаксиологический аспект (на материале русского, русинского, китайского и португальского языков)// Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал, 2021, 66: 100-110.

⁴³ Малюга, Е. Н. Функциональная прагматика межкультурной деловой коммуникации/ Е. Н. Малюга. - Изд. 2-е, доп. - Москва: URSS, 2008: 313.

⁴⁴ Чеснокова, О. С. Интерпретация художественного текста: русско-испанский диалог / О. С. Чеснокова. - Москва: ИНФРА-М, 2018: 172.

- лингвоконфликтологии [Н. А. Бобарыкина⁴⁶, Н. Д. Голев,⁴⁷ Е. С. Кара-Мурза,⁴⁸ Г. А. Копнина⁴⁹ и др.]

- математической и прикладной лингвистики [Н. В. Зененко⁵⁰, 2018; А. В. Колмогорова⁵¹, О. И. Максименко⁵², S. A. Crossley et al., 2017⁵³; M. Qin⁵⁴, S. Klar⁵⁵]

- лингвосомиотики [А. П. Бабушкин,⁵⁶ А. В. Борисенко,⁵⁷ Ю. Кристева⁵⁸].

Стигматизация конфликтности в традиционной картине мира привела к тому, что исследователи стараются быть крайне осторожными при соприкосновении с рассогласованной интеракцией.

Гипотеза настоящего исследования обусловлена двойственностью самого феномена конфликтного дискурса. Конфликтность коммуникации задается мотивирующими целеполаганиями конфликтными типажми коммуникантов, что дает возможность представить репертуар структурированной типологии конфликтного языкового поведения в современном публичном пространстве с учетом функционально-сценарных принципов конфликтного дискурса и отбора лингвистических средств для создания и реализации пресуппозиции конфликта

Положения, выдвигаемые на защиту:

1. Современное массмедийное пространство используя шок-контент и так называемый «черный пиар», актуализирует явный и скрытый конфликтный потенциал коммуникации в ситуации современной информационной войны.

⁴⁵ Шаклеин, В. М. Лингвокультурология: традиции и инновации: монография / В. М. Шаклеин. - Москва: Флинта, 2012: 301.

⁴⁶ Бобарыкина, Н. А. Невербальное конфликтное общение /Н. А. Бобарыкина// Язык - Сознание - Культура - Социум: сборник докладов и сообщений Международной научной конференции памяти профессора И.Н. Горелова; редкол.: В.Е. Гольдин (отв. ред.), Л.П. Прокофьева [и др.]. Саратов: Наука, 2008: 548-552.

⁴⁷ Голев, Н. Д. Лингвоконфликтология, или лингвистическая конфликтология/Н. Д. Голев, Н. В. Обелюнас/ Эффективное речевое общение (базовые компетенции). Словарь-справочник. Электронное издание; под редакцией А. П. Сковородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014: 279-280.

⁴⁸ Кара-Мурза, Е. С. Лингвоконфликтология и конфликты в русском медиапространстве (анализ двойного кейса) /Е. С. Кара-Мурза// Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2020. 1: 18-27.

⁴⁹ Копнина, Г. А. Речевое сопротивление навешиванию политических ярлыков как способ защиты в информационно-психологической войне/Г. А. Копнина// Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. 13 (11): 248-253.

⁵⁰ Зененко, Н. В. Полевое моделирование семантического пространства. Системный анализ (на материале иберо-романских языков) / Н. В. Зененко. - Москва: ИТЦ, 2018: 213.

⁵¹ Колмогорова, А. В. Эмоции в языке и тексте: от экспертного лингвистического описания к детектированию эмоций в машинном обучении/ А. В. Колмогорова// Межкультурная коммуникация: лингвистические и лингводидактические аспекты. Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции. – Новосибирск: НГТУ, 2021: 167 – 170.

⁵² Максименко, О. И. Формальные методы оценки эффективности систем автоматической обработки текста: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.21/ О. И. Максименко. - Москва, 2003: 447.

⁵³ Crossley S.A. Sentiment Analysis and Social Cognition Engine (SEANCE): An automatic tool for sentiment, social cognition, and social-order analysis/ Crossley S.A., Kyle K., McNamara D.S.// Behav Res Methods. 2017 Jun;49(3):803-821. doi: 10.3758/s13428-016-0743-z. PMID: 27193159/

⁵⁴ Qin, · M. Emotive Tonality of the «Youth–Old Age» Dichotomy in Russian and Chinese Media Discourses: The Stage of Psychosemantic Expertise Journal/ Qin, · M., Xiao, D., · Yuan, · L., Karabulatova, I. // Journal of Psycholinguistic Research, 2022, DOI:10.1007/s10936-022-09899-z

⁵⁵ Klar, S. Affective Polarization or Partisan Disdain? Untangling a Dislike for the Opposing Party from a Dislike of Partisanship/ Klar, S., Krupnikov, Ya., Ryan, J. B. // Public Opinion Quarterly, 2018, 82 (2): 379–390, <https://doi.org/10.1093/poq/nfy014>

⁵⁶ Бабушкин, А. П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка /А. П. Бабушкин; под ред. З. Д. Поповой. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001: 86.

⁵⁷ Борисенко, А. В. Семиотика интертекстуальности: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19/ А. В. Борисенко. - Тверь, 2004: 134.

⁵⁸ Кристева, Ю. Семиотика. Исследования по семанализу / Юлия Кристева; [пер. с фр. Э. А. Орловой]. - Москва: Академический проект, 2013: 285.

Конфликтогенность характеризуется системной организацией иерархических структур, реализующихся в так называемой **конфликтогенной семантической пирамиде**, включающей в себя инициатора конфликта (выступает в конфликтогенных типажах), реципиента конфликтогенной информации - интерпретатора, само конфликтогенное высказывание, конфликтогенное восприятие события, конфликтогема №1 (интенция, намерение), конфликтогема №2 (на основе интерпретанты), сигнификанта №1 и сигнификанта №2, а также референтной ситуации лингвоконфликтогенности. Конфликтогенное восприятие события опирается на совокупность дискурсивных практик в конфликте, что восходит, в свою очередь, к речеповеденческим стереотипам представления о конфликте. Фоновой базой таких стереотипов служит поликомпонентная совокупность энциклопедических, социальных, психологических, языковых, и иллокутивных знаний. Ядро конфликтогенного медиадискурса составляют иллокутивные знания, которые ассоциативно связаны с другими типами знаний.

2. Коммуникативный регистр конфликтогенности не связан напрямую со стандартной формулой конфликта с указанием на несогласие с оппонентом, а акцентирован на имплицитные признаки конфликта. Конфликтогенный потенциал актуализируется с помощью конфликтогем в структуре конфликтного коммуникативного шага в виде «остраненного смысла». Поливариативность причинно-следственных характеристик конфликтного события определяют содержание конфликтогенного медиадискурса, формируя элементы языковой картины мира как конфликтной, так и бесконфликтной личности. План выражения конфликтогенного медиадискурса определяется конфликтогемами как маркерами конфликтогенности с учетом единиц медиадискурсивных комплексов.

3. Прагма-риторическая парадигма современного конфликтогенного медиадискурса поддерживает конфликтогенность через традиционные диады «создание/разрушение», «интерес/игнорирование», «принятие/неприятие», «согласие/отказ» за счет совершенствование и модернизацию конфликтогенных коммуникативных шагов в рамках речеповеденческих стандартов дискурсивных практик провокации конфликта в медиапространстве. Практикоориентированная лингвосемиотическая технология провокации конфликта реализуется через динамическую теоретико-практическую модель конфликтогенности медиадискурса. Лингвосемиотическая технология провокативности конфликтной ситуации представляет набор конкретных приемов конфликтогенности с алгоритмом их работы в конфликтогенном медиадискурсе. Методология конфликтогенности медиадискурса нацелена на выявление причинно-следственных закономерностей витальности конфликтогем, выступающих маркерами конфликтогенной интеракции в аспекте определения зон лингвоинформационной напряженности в медиадискурсе.

4. Конфликтогема есть особые коммуникативные регулятивы и их проявления в конфликтогенном медиадискурсе, которые могут быть представлены вербально, так и невербально, и паравербально. Конфликтогема подчиняются алгоритму витальности конфликта: конфликтогема-инициатор, конфликтогема-продолгатор, конфликтогема-усилитель, конфликтогема-нейтрализатор. Конфликтогема соотносятся с каталогом оценок в конфликте. Конфликтогема связана с типологизацией конфликтогенного медиадискурса, регламентируя языковое представление о субъективно-объективном состоянии комфорта/ дискомфорта в модели конфликтогенного медиадискурса.

5. Поливариативность языковой репрезентации конфликтогенных реплик обусловлена фоновыми знаниями оппонентов в конфликте и их индивидуальным жизненным опытом, что делает сложной детекцию предсказуемости развития конфликта. Возможность вероятностного прогнозирования развития сценария конфликтогенного медиадискурса обусловлена функционированием механизма прагма-риторической ориентации конфликтогенного медиадискурса.

6. Использование эмоционально-экспрессивной лексики в конфликтогенном

медиадискурсе нацелено не только для публичного афронта оппонента, но и максимального привлечения внимания потенциальной целевой аудитории к медиаресурсу. В конфликтогенном медиадискурсе присутствуют следующие тенденции: 1) ограничение использования репертуара эмоционально-оценочной лексики; 2) стандартизация сферы устойчивых слов и выражений, обладающих конфликтогенной семантикой. Акцентуация функционала нивелирует конкретные значения лексических единиц в сторону усиления общего негативного эмоционального содержания. Ситуативность конфликтогенного медиадискурса определяет эмотивность используемых слов, благодаря чему расширяется сфера оттеночных значений вплоть до смены эмотивности на противоположную.

Научная новизна нашей исследовательской работы обусловлена обусловлена синергетическим подходом к лингвосемиотическому анализу конфликтогенного медиадискурса с приобщением новых фактологических языковых данных с позиции типологической репрезентации лингвосемиотических особенностей конфликтогенного поведения в массмедийном пространстве. Проведено разграничение между терминами конфликтоген и конфликтогема. Впервые введен термин конфликтогема как базовое понятие для лингвоконфликтологии, определяющее конфликтогенное значение, в то время как конфликтоген имеет более широкое понятие, относящееся больше к экстралингвистическим факторам. Итогом нашей работы становится создание целостной лингвосемиотической многокомпонентной модели функционирования конфликтогенного дискурса, объясняющей его витальность в человеческой культуре.

Впервые конфликтогенный медиадискурс рассмотрен системно в современном цифровом коммуникативном пространстве, что позволило уточнить терминологический аппарат лингвоконфликтологии, атрибутировать в особенности конфликтогенного медиадискурса в контексте полиаспектности его как семиотического макрознака с фиксацией критериев типологизации конфликтогенного медиадискурса и доминирующих конфликтогенных коммуникативных типажей (правдоискателя, клязника, склочника, сплетника и т.п.), использующих специфические лексико-грамматические, семантико-прагматические свойства конфликтогенного медиадискурса.

Теоретическая значимость диссертации интегрирует описательные характеристики лингвосемиотических элементов в лингвомоделирующихся рамках конфликтогенного медиадискурса на основе синергетической научной парадигмы конфликтогенности и междисциплинарности концептуальных установок в конфликтологии. Определен реестр лингвосемиотических элементов конфликтогенного медиадискурса с выделением основных типологических черт их внутренней организации, позволяющих понять иницирующие маркеры в механизме включения конфликта в массмедиа. Введение термина **конфликтогема** в научный оборот, как конфликтогенной части эмотивного значения слова и/ или выражения, позволило уточнить закономерности функционирования провокативов конфликта в современном медиадискурсе. Дополнительно теоретическая значимость проведенной работы подкрепляется: 1) развитием конфликтологии, медиалингвистики и коммуникативистики, психолингвистики; 2) внесением дополнений и уточнений в теорию речевой деятельности, межкультурной коммуникации и теорию прагматики лингвориторики; 3) уточнением параметризации лингвосемиотических характеристик конфликтогенного медиадискурса; 4) атрибуцией вероятностных точек управления коммуникативным конфликтом в медиадискурсе с позиции лингвосемиотического моделирования; 5) расширением представлений о существовании баланса в коммуникативной и ситуативной конфликтогенной семантике; 6) выделением конфликтогема при анализе трансформации семантического тезауруса конфликтогенного медиадискурса; 7) расширением аргументации в сторону необходимости разрешения конфликтогенности массмедийного дискурса как регулятива информационной напряженности в обществе.

Практическая ценность работы связана с современными вызовами развития общества в условиях лингво-информационных войн и возможностью профилактики

конфликтногенных атак в медиапространстве, трансформирующих концептуальные основы картины мира реципиентов такого медиадискурса, что позволяет применить основные итоги комплексного анализа при теоретической разработке курсов по медиалингвистике, дискурсологии, стилистики, цифровой гуманитаристике, лингвориторике, психолингвистике. Промежуточная **апробация** результатов исследования успешно реализована в практической работе при разрешении социальных конфликтов в различных регионах России (Москва, Московская область, Татарстан), проектной деятельности лаборатории машинного обучения и семантического анализа Института перспективных исследований проблем искусственного интеллекта и интеллектуальных систем МГУ им. М. В. Ломоносова, лаборатории междисциплинарного анализа социума, культуры и истории МФТИ (НИУ) по выявлению конфликтногенного контента. Промежуточные и итоговые результаты были заслушаны и обсуждены на заседаниях и научных семинарах кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы Воронежского государственного педагогического университета, научном семинаре лаборатории машинного обучения и семантического анализа Института перспективных исследований проблем искусственного интеллекта и интеллектуальных систем МГУ им. М. В. Ломоносова, а также на конференциях различного уровня в профессиональном сообществе (Воронеж, Москва, Астана, Санкт-Петербург, Ханты-Мансийск), что подтверждено соответствующими публикациями: 1 статья в журнале из международного рейтинга Scopus/ WoS, 6 статей в журналах, рекомендованных для публикации ВАК, 3 статьи в материалах конференций (Ханты-Мансийск, Санкт-Петербург, Кокшетау). Всего 10 статей. **Перспективы исследования.** Проведенный в диссертации аналитический мониторинг доминирующих конфликтногенных лингвосемиотических стратегий в медиадискурсе позволит создать полный тезаурус тактик погружения реципиента в конфликтногенность, становясь основой для предупреждения и коррекции девиантного и деструктивного вербально-невербального поведения индивидуумов с акцентуацией повышенной конфликтногенности в ядре личности, создавая эффективное понимание стратегий успешного ухода от вовлечения в дискурс конфликта.

Структура работы: введение, три исследовательские главы, разбитые на параграфы и подпараграфы, с выводами, итоговое заключение, литература, 9 приложений. Основной текст составляет 175 страниц из 315 страниц общего объема.

Основное содержание

Введение содержит устоявшиеся в исследовательской практике обязательные параметры актуальности и научной новизны, гипотезы, указания объема проанализированного эмпирического материала с методологических позиций лингвосемиотики, дискурсологии и медиалингвистики, указанием предметно-объектных отношений, рассматриваемых далее в работе, конкретизацией цели, исследовательских задач и теоретико-практической значимости, сопряженных с теоретическими положениями, выносимыми на защиту в данной работе.

Глава 1 «Языковое пространство конфликта в современном массмедийном дискурсе» рассматривает само понятие о конфликте как таковом, дает аналитическое описание существующих теорий и типологий конфликта. Здесь же рассматривается соположение конфликтногенного дискурса и языкового конфликтного поведения с точки зрения структуры, содержания и функциональной типологии. Обосновывается введение **конфликтогемы** как первичного «ядра» конфликтногенности в речевой единице, содержащей в себе конфликтногенный потенциал коммуникации, или изначально заложенные языковые противостояния и психоэмоциональную негативную напряженность. Сам конфликтногенный дискурс массмедиа разворачивается с помощью использования конфликтных коммуникативных шагов, отталкиваясь от конфликтного события.

Конфликтное событие может относиться к различным сферам жизни общества. Например, вариативность интерпретаций конфликтного события «дело сестер Хачатурян»

инициировала полиаспектное освещение проблем домашнего насилия в России и в мире (Ср.: Ахмедова, Дело сестер Хачатурян и магия хайпа, Эксперт.ru, 6.10.2018). Конфликтное событие, получая интерпретации в медиадискурсе, представляет собой некий макроречевой акт в медиакоммуникации, состоящий из множества микроактов, обладающих той или иной иллокутивной силой, проявляющейся в форме утверждений, навешивания ярлыков, ассертивов, декларативов, эмотивов и экспрессивов. Конфликтное событие, находясь в центре конфликтного медиадискурса, характеризует последний, как сложный языковой феномен, в котором автор может выступать как единолично, коллективно, так и анонимно, при этом описание конфликтного события в медиадискурсе характеризуется лексико-семантическими, коммуникативно-прагматическими особенностями. Как подчеркивает Т. В. Маркелова,⁵⁹ в конфликтах при общении реализуется типовая структура, аккумулирующая в себе особую стереотипизированную ситуацию с включением постоянных элементов, проявляющихся вербально и т. д. Сами слоты стереотипизируют поведенческие действия и стандарты вербального поведения в конфликте благодаря знаниям о структуре этого фрейма. Компоненты, на которые указывает Т. В. Маркелова, мы дополнили и представили в виде схемы (рис. 1).

ФРЕЙМ «Конфликт»

Верхний уровень	Нижний уровень
Актеры (участники) конфликтной ситуации	Хронотоп конфликта
Коллизия целей	Манипуляции с представлением конфликта
Противостояние интересов	Скрытые/ тайные/ неявные участники конфликта
Борьба точек зрения	Посредники, влияющие на конфликт: подстрекатели, «третейские судьи»
Противоречия позиций	Локус конфликта
Ущерб и последствия конфликта	Длительность конфликта

Рис. 1. Схема фрейма «конфликт» (составлено нами по материалам Т. В. Маркеловой – М. Н.).

Верхний и нижний уровни фрейма (рис. 1) характеризуют конфликт как коммуникативное событие в пространственно-временном развитии, тогда единицами выступают сценарий и речевой жанр. Существующие противоречия между говорящими, или между адресатом и адресантом сообщения⁶⁰ приводят к ассоциативному «расширению значений»⁶¹ в аспекте усиления конфликтности, хотя эти условия не всегда провоцируют **коммуникативный конфликт**.⁶²

⁵⁹ Маркелова, Т. В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке. – М.: Московский гос. ун-т печати им. Ивана Федорова, 2013: 297.

⁶⁰ Бортников, В. И. Обсценизмы в неконфликтной семейной коммуникации// Молодые голоса: сборник трудов молодых ученых. – Екатеринбург: УрФУ, 2020: 75 – 81.

⁶¹ Ахиджакова, М. П. Знаковые особенности «дальнейших значений» в языковом пространстве художественного текста/М. П. Ахиджакова, А. Ю. Баранова// Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение, 2013, (126): 20 -26.

⁶² Третьякова, В. С. Речевая конфликтология: проблемы, задачи, перспективы// Вестник Челябинского государственного университета, 2013, 1 (292): 279 – 282.

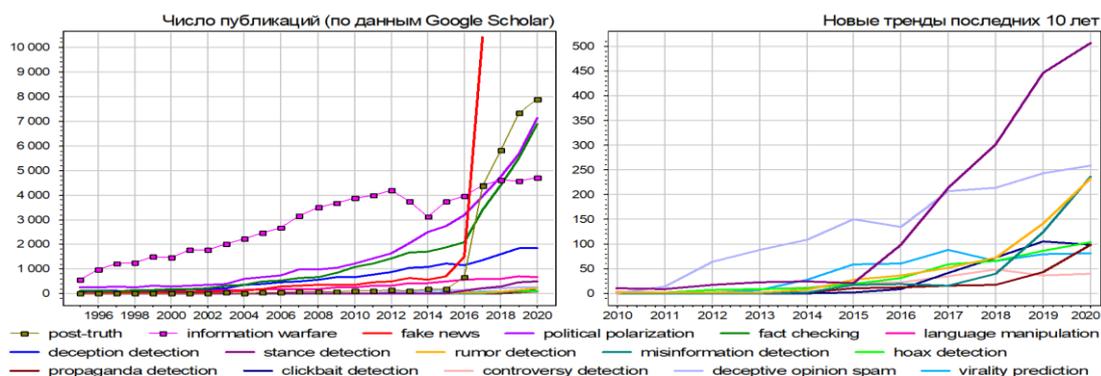

Рис. 2. Диаграмма библиометрических научных данных с выделением направлений анализа конфликтогенности (1996 -2020 гг.) (составлено нами на основе Google Scholar – М. Н.)

На рис. 2 обнаруживается интерес к анализу всех конфликтогенных стратегий. Однако, если в 1996 г. шло поступательное продвижение публикаций, нацеленных на анализ информационной войны в традиционном формате, обнаруживая приблизительно одинаковые пиковые значения в 2012 г. и в 2015-2020 гг., то фейковые новости, являясь новой разработкой цифровых технологий, дали резкий скачок в 2016 г., практически удерживая лидирующее положение до сих пор. Одновременно с этим идет рост публикаций по политической поляризации, которая также обнаруживает резкую тенденцию к росту с 2016 г. Такой огромный рост конфликтогенных публикаций требует расширение инструментария с применением методов компьютерной психолингвистики и больших данных⁶³.

Так, конфликтогенный дискурс был развернут в Химках Московской области и строительством комплекса IKEA, что было освещено в СМИ различной направленности в 2016–2018 гг. Основная тема конфликта была раскрыта в новостной программе «Россия24»: «Шведская сказка закончилась: суд арестовал землю под IKEA» (Вести.ру, 09.08.2016, <https://www.vesti.ru/article/1664123>). Здесь мы наблюдаем и дихотомию «свой – чужой» (Россия – Швеция; общественная земля – частный бизнес IKEA; взяточники – коммерсанты и т.д.). Негативное отношение формируется с помощью изначально отрицательно заряженных слов и выражений: «сомнительные документы», «недостовверная информация», «вбрасывает», «заниженная цена», «мошенничество», «экономические споры» и т. п. Анализ конфликтогенного дискурса демонстрирует специфику отбора языковых средств потенциально конфликтующими акторами, реализующихся в конфликтогенных типажах (типа: *резонер, сплетник, подстрекатель, скандалист, склочник, тиран, насильник, правдолюб/ правдоруб, правдоискатель, клязник, доносчик, конфабулятор* и др.). Конфликтогенный типаж характеризуется по степени демонстративности вербально-невербального провокативного поведения. Конфликтогенный типаж «представляет собой в исследовательском отношении разновидность концепта “лингвокультурный коммуникативный типаж”»,⁶⁴ поскольку сам коммуникативный типаж выступает подтипом концепта с его обобщениями о типологических чертах коммуникативной личности.

Глава 2 «Структурно-семантическая характеристика конфликтогенного дискурса массмедийного пространства» поступательно раскрывается в трех параграфах.

⁶³ Карабулатова И. С. Проблемы создания цифровой библиотеки для оценки потенциально опасных текстов (ПОТ) в современном новостном дискурсе// Вопросы современной лингвистики и изучения иностранных языков в эпоху искусственного интеллекта. Сборник научных трудов Международного научного форума, посвященного Всемирному дню науки за мир и развитие. Редакторы: С.А. Каскабасов, Н.Г.Валеева, Москва: РУДН, 2020: 3-12; Feldman D.G. Combining facts, semantic roles and sentiment lexicon in a generative model for opinion mining / Feldman D.G., Sadekova T.R., Vorontsov K.V. // Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Dialogue 2020: 268–283.

⁶⁴ Карасик, В. И. Языковые мосты понимания: монография/ В. И. Карасик. – Москва: Дискурс, 2019: 524.

Прежде всего, это вопросы специфики структурной организации конфликтного дискурса в массмедиа под углом поликомпонентности конфликта как семиотического макрознака. В связи с этим особое место занимает аналитический мониторинг мотивационных критериев целей конфликтного дискурса в вариативном представлении сценариев конфликта в массмедиа. Здесь же детально представлен анализ вербальных маркеров и матриц конфликтного дискурса с точки зрения плана содержания (свойства, признаки, оценки). Информационная многоярусность конфликтного дискурса как макрознака предопределяет выделение целого ряда параметров, которые создают структурно-содержательную целостность, фиксирующей индивидуальную интерпретацию фрагмента действительности в виде семиотического результата референции, а также иницирующей новые знания, обнаруживая новые смыслы и коннотации. Конфликтность, как правило, всегда выходит за рамки этносоциокультурных норм: вербальных и невербальных в сторону жаргонизмов, просторечной сниженной лексики, обцензмов, инвективов. Например: «гнида свидомая»; «рыло»; «дебил»; «уберменыш», «мелкая мразь»; «менишварность», «похохляцки» и т.п. (Трушова, 2016). Вербально-невербальное представление информации в медиадискурсе манипулирует реципиентом в сторону акцентуации конфликтных черт личности (рис.3). На диаграмме (рис.3) представлены основные стратегии конфликтности, которые распространены в современном медиадискурсе.

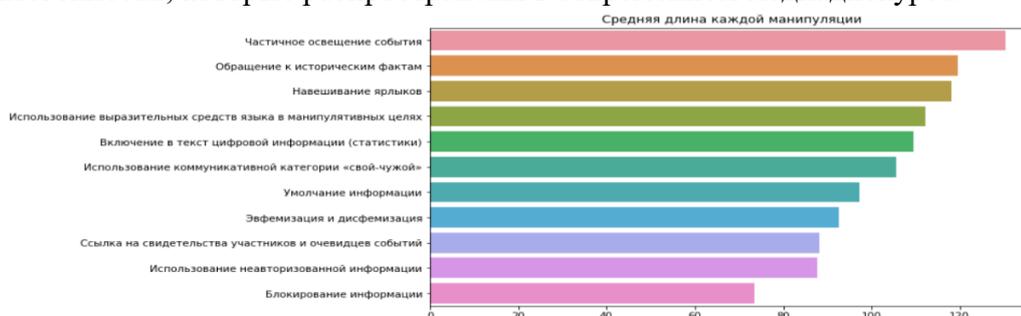

Рис. 3. Диаграмма манипулирования информацией в конфликтном медиадискурсе с целью нагнетания конфликтности (составлено нами с применением методов машинного обучения и экспертной семантической разметки – М.Н.)

Наиболее активно используется стратегия частичного освещения конфликтного события, что является пусковым моментом для верного запуска интерпретаций и искажений фактологических данных (позиция 2 на диаграмме). Использование исторических и квазиисторических данных актуализирует стратегию навешивания ярлыков и обесценивания предполагаемого оппонента (позиция 3 на диаграмме), блокировка информации наносит минимальный урон по сравнению с полуправдой, или частичным освещением события.

Лингвосемиотическая структура конфликтного медиадискурса нацелена на многовекторность и полиаспектность вероятностных интерпретаций вследствие асимметрии когнитивных деструкций, присутствующих в картинах мира адресанта и адресата, относительно причин конфликтности, рассогласованных понятийных объемов их предполагает наличие реального и/или вымышленного референта, поэтому формирование той или иной интерпретации задано личностной ориентацией продуцента конфликтного дискурса, исходя из принадлежности автора к определенной мировоззренческой парадигме⁶⁵. Исходя из этого, обнаруживается **вероятностная конфликтная семантическая пирамида**, в которой внутреннюю, скрытую сторону составляет модус реализации коммуникативного знака, который переходит во внешнюю, эксплицитную сторону актуализации виртуальной позиции медиадискурса. Модель

⁶⁵ Лунькова, Л. Н. Миры и пространства художественного текста: монография / Л. Н. Лунькова. - Москва: ФЛИНТА, 2020: 158.

семиозиса конфликтогенного дискурса представляется нами в виде конфликтогенной семантической пирамиды (рис.4), которая обусловлена пониманием структуры речевого такта, когда любая информация воспринимается сквозь призму интерпретации и пост-интерпретации (конфликтогема №2 на рис. 4), поэтому каждая информация, любое высказывание встроены в некую когнитивную схему, которая представляет собой набор аналоговых представлений о мире с включением оценочного отношения.

При этом вероятностное моделирование конфликтогенных знаков-интерпретантов с антропоцентрической позиции лингвосемиотики дает возможность атрибутировать доминантные элементы семиозиса конфликтогенного медиадискурса (рис.4).

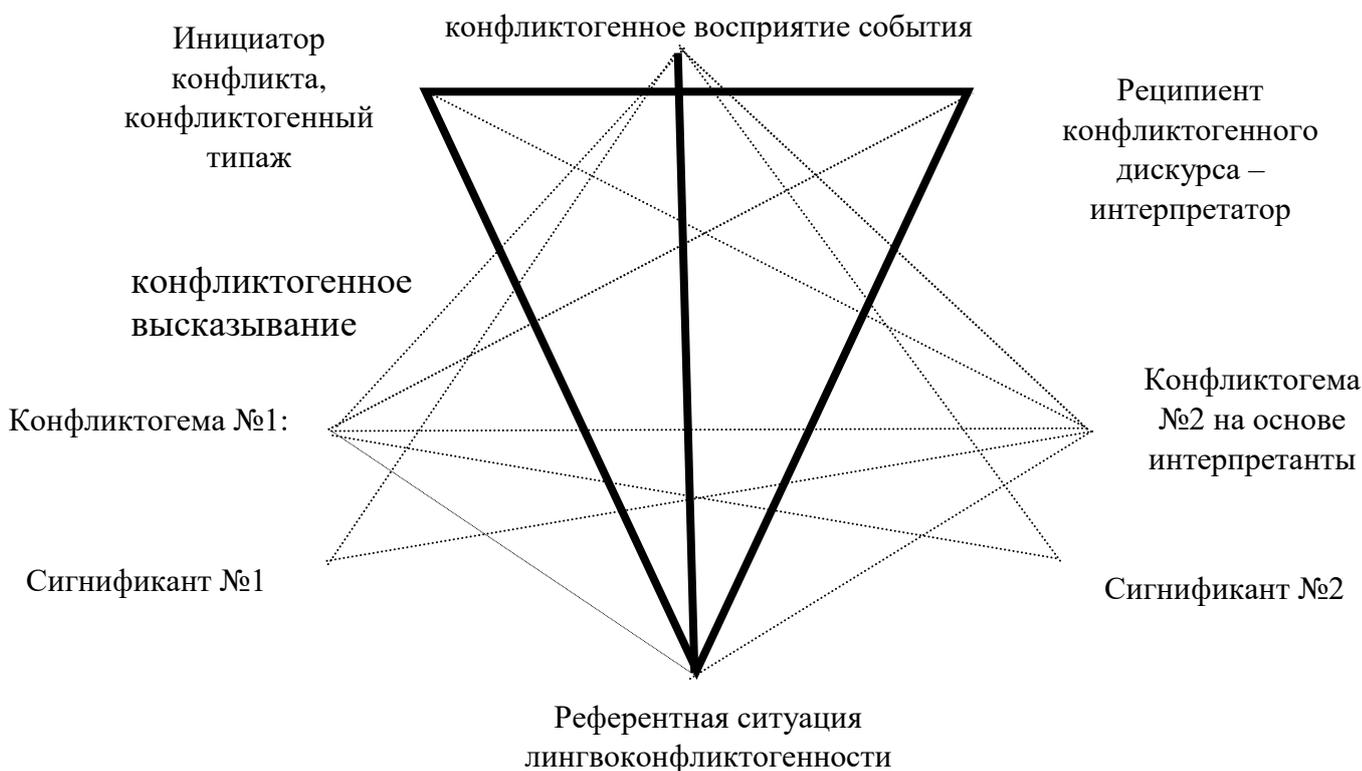

Рис.4. Вероятностная конфликтогенная семантическая пирамида: модель лингвоконфликтогенности как коммуникативного знака (авторская схема – М.Н.)

Согласованность когнитивного и семиотического подходов нацелена на вскрытие ментальных процедур, опосредованно определяющих как сам акт конфликтогенеза, так и объем языковых единиц, как неких трансляторов интериоризированной информации о «возможных мирах»⁶⁶. Конфликтогенный потенциал агрессии проявляется в провокативной ситуации из-за проявления внутреннего конфликта индивидуума вследствие определенных обстоятельств (типа: *жизненные неприятности, плохое здоровье, смерть близких, потеря работы и/или жилья, развод, свадьба* и т. д.), ситуативная агрессия является ответной реакцией на предъявленный конфликтоген. Например: «Ты мне *по понятиям* что ли, пытаешься *предъявить*? – заявил Соловьев. – То есть (...) *Следить за базаром поганой метлой? Это вот что сейчас было — „следить за языком“? То есть ты мне стрелку, что ли, забиваешь? Это что, „уралмашевское“ прошлое сказывается? Не завода, а преступных группировок бандитских. За языком следить? Это у нас государственный муж! А может, Куйвашев присоединится теперь к*

⁶⁶ Стернин, И. А. Анализ скрытых смыслов в тексте/ И. А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2011: 66.

тем, которые меня *грохнут* пытались?» (Соловьев – губернатору Куйвашеву: «По *понятиям* пытаешься мне *предъявить*? *Стрелку забиваешь?*», Бизнес-онлайн, 28.04.2022).

Модель мишени в конфликтогенном семиозисе включает в себя четыре компонента (рис.5).

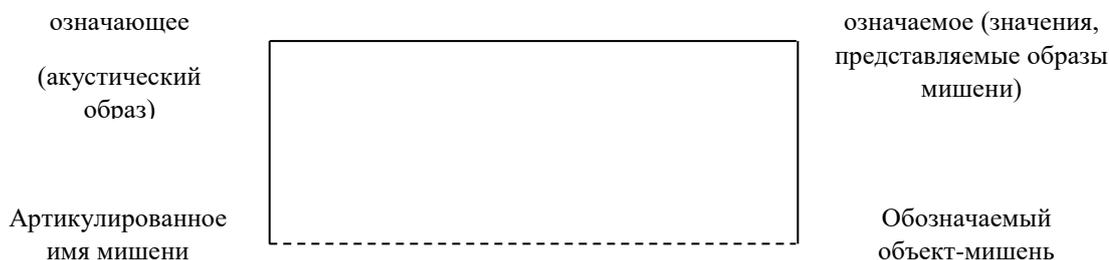

Рис.5. Модель мишени в конфликтогенном семиозисе (разработано нами по материалам «Античные теории языка и стиля», [1996] – М. Н.)

Мотивационные критерии конфликтогенности массмедиа тесно связаны с работой по вовлечению целевой аудиторией, что обусловлено эмоциональным восприятием темы конфликтогенного сообщения и объекта-мишени. Особенно ярко объект мишень обозначается через ярлыки: *рашист, укроп, славаукраинец, орки (в значение русские), чмобики, бегунки, релокант, Гейропа, Оркистан* и т.п. Обозначение мишени идет в соответствии с известными стратегиями номинации.⁶⁷ Алгоритм лингвоинформационной атаки позволяет понять специфику вербально-невербальной работы с мишенью. Серия информационных атак сопряжены с выстраиванием коммуникативных стратегий полимодального восприятия информации в зависимости от общекультурного багажа предполагаемой когортной группы. Противники Э. Макрона неоднократно акцентировали внимание на значительной разнице в возрасте между супругами, имплицитно указывая на несамостоятельность фигуры самого Э.Макрона. В этом конфликтогенном медиадискурсе получил особое распространение такой коммуникативный конфликтогенный типаж, как **конфабулятор**, который занимается фальсификацией информации и ее продвижением в общественном сознании.⁶⁸ Конфабулятор всегда связан с сетью групп поддержки, которая способствует «полевому рассеиванию» информации своего ЛОМа. Нейтрализация конфликтогемы «*трансгендерный скандал Первой леди Франции*» в российских СМИ был завершён публикацией серии материалов о том, что «*Брижит Макрон подает жалобу на распространителей слухов о том, что она трансгендерная женщина*» (Spletnik, 21.12.2021). Акцентуация внимания идет на рассогласование с признанными критериями женственности и соответствия возрасту, усиливая эйджизм и гендерную конкуренцию в обществе.⁶⁹ Матрица опирается на алгоритм рассмотрения слоев и кодов многослойного медиадискурса⁷⁰, который является полимодальным и поликодовым. **Матрица конфликтогенного массмедийного дискурса** характеризуется многослойностью с соответствующими признаками и свойствами, которые управляют когнитивными процессами в сознании реципиента. Первый слой представляет собой инфоповод и персонализированные мишени в конфликтогенном массмедийном дискурсе. Второй слой

⁶⁷ Супрун, В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Монография / В. И. Супрун. - Волгоград: Перемена, 2000: 171.

⁶⁸ Рязанцев, С. В. Псевдореминисценции и конфабуляции. - Санкт-Петербург: Полифорум, 2012: 245.

⁶⁹ Meng Qin. Emotive Tonality of the "Youth–Old Age" Dichotomy in Russian and Chinese Media Discourses: The Stage of Psychosemantic Expertise/ Meng Qin, · Dongxia Xiao, · Lin Yuan, · Irina Karabulatova// Journal of Psycholinguistic Research, 2022, <https://link.springer.com/article/10.1007/s10936-022-09899-z>

⁷⁰ Зененко, Н. В. Лексико-грамматическая специфика газетно-публицистического стиля речи: на материале прессы пиренейского варианта испанского языка: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.05 / Моск. гос. лингвист. ун-т. - Москва, 2004: 20.

содержит иконические компоненты и композиционные решения конфликтогенного медиадискурса. В данном модуле упор делается на семиотику колористики, кинесического языка и языка мимики с этнопсихолингвистической спецификой референса эмотивной карты носителя языка, жанрового своеобразия параграфемных средств. **Иконические эмотивы** в конфликтогенном массмедийном дискурсе представляют три большие группы: **аффективы, коннотативы и потенциативы**. Распространение дипфейков и мокьюментари в массмедиа обусловило появление **фото-, видеоаффективов**. Третий слой задействует текстовый компонент в контексте его декодирования реципиентом с учетом композиционно-структурной организации, экспрессивных языковых средств, корреляции вербального и невербального элементов. Демонстрируемый рост отрицательно оценочных, эксплицитно оскорбительных, обценных эмотивов говорит об изменении границ допустимого в рамках **коммуникативного кодекса**⁷¹. Конфликтогенность массмедийного дискурса определяется эмотивной насыщенностью с погружением реципиента в психоэмоциональную ситуацию конфликта. **Эмотивная насыщенность**⁷² соответствует **индексу эмотивности** (термин Солодовниковой Н. Г.⁷³), который определяется от соотношения количества эмотивов и нейтральных слов в конкретном массмедийном дискурсе. Четвертый слой рассматривает аллюзию и интертекстуальные элементы с позиции имплицитного потенциала конфликтогенного массмедийного дискурса. Контекст языковой игры создает **перифразу-экспрессему**, аллюзии с которой обращаются к лингвистической, экзистенциальной и логической пресуппозициям реципиента. Конфликтогенность в массмедийном дискурсе на грамматическом и лексическом уровнях демонстрирует отступления от нормы речеупотребления с акцентуацией на обценнизмы, сленг и жаргонизмы, клише, лозунги и слоганы, паремии. Конфликтогенность медиадискурса зависит от **индекса эмотивности**, а степень этого качества — от насыщенности текста негативно окрашенными эмотивами. Конфликтогенность массмедийного дискурса в значительной степени зависит от его эмотивной насыщенности и погружения в психоэмоциональную ситуацию конфликта/ противостояния. Асимметрия тема-рематической организации возникает благодаря таким приемам, как опущение языковых элементов и вынесение отдельных компонентов в самостоятельную позицию, реализуясь за счет эллиптичности и компрессии. Отбор и комбинаторика конфликтогем, трансформирующих картину мира участников конфликта, направлены на перлокуцию с акцентом на: 1) концепты негативно эмотивной карты в координатах «страх, ужас, кошмар»; 2) контрастную противопоставленность ролевых позиций «мы – они»; 3) эвфемизацию и псевдодисфемизацию конфликта; 4) осмеяние и обесценивание; 5) героизацию и романтизацию конфликта. Конфликтогенный медиадискурс расширяет само понятие **эмотива** за счет активного использования **параграфемных эмотивов** наряду с **вербальными эмотивами**. Тема-рематическая структура конфликтогенного медиадискурса реализуется в трех основных моделях. Первая модель «**Рисунок = тема, вербальная часть = рема**» апеллирует к компрессии средств передачи информации, поликодовое представление отсылает к изображению, содержащему в себе тему, а вербальная часть – рему. Вторая модель «**Тема-рематическая конфронтация между вербаликой и невербаликой**» демонстрирует яркую противопоставленность между содержанием изображения и семантическим значением вербальных средств. Третья

⁷¹ Шарков, Ф. И. Коммуникология: энциклопедический словарь-справочник: учебное пособие для подготовки бакалавров и магистров рекламы и связей с общественностью / Ф. И. Шарков. - Москва: Дашков и К°, 2013: 76.

⁷² Григорьева, Э. М. Интонационное выражение отрицательных эмоций в русском неместоименном вопросе: Экспериментально-фонетическое исследование на примере эмоций групп «насмешка», «тревога», «ярость»: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01. - Москва, 1999. - 259 с.

⁷³ Солодовникова, Н. Г. Экологичность эмотивной коммуникации: на материале предвыборных креолизованных газетных текстов: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19. – Волгоград: ВГПУ, 2010: 24.

модель **Представление темы в вербально-паравербальном виде при предъявлении ремы только вербальным компонентом/ только визуальным компонентом** использует аккомодацию в качестве приема адаптации человека новые многочисленные и разнообразные требования окружающей социальной среды перед каждым индивидом.

Глава 3 «**Динамическое лингвомоделирование конфликтного дискурса в массмедийном пространстве**» рассматривает типы и функциональные характеристики конфликтного дискурса медиaprостранства, поскольку мы имеем дело с целенаправленными усилиями коммуникантов конфликтного дискурса на инициацию, разворачивание и катарсис определенных речеповеденческих реакций у реципиентов такого дискурса. Современное медиaprостранство построено так, что позволяет сторонам конфликтного дискурса коммуницировать с прямом и опосредованном влиянием друг на друга. Здесь же рассматривается вопрос о языковой репрезентации коммуникантов конфликтного медиадискурса. Психолингвистическая репрезентация обусловлена коммуникативными типажам, участвующими в конфликтной ситуации, которая предопределена вербально-невербальными **паттернами метапрограмм**. Под **конфликтной метапрограммой** подразумеваются базисные принципы, которые использует человеческий мозг для моделирования конфликтных ситуаций как потенциально опасных контекстов. Каждая конфликтная метапрограмма реализуется в динамичном равновесии вербальных, невербальных и паравербальных маркеров конфликтности в поведении акторов конфликтного дискурса, создавая разнообразие вариативных интерпретаций.

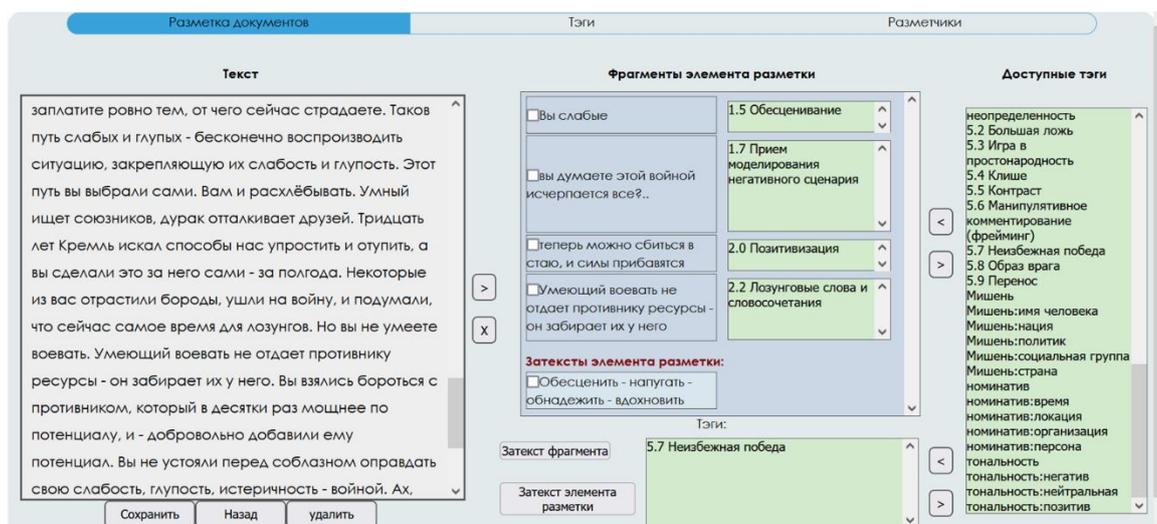

Рис.6. Фрагмент интерфейса экспертной семантической разметки конфликтного дискурса А. Арестовича «Вы слабые»: предварительный этап для последующего машинного обучения (коллективный проект «Новостной коллаيدر» на базе МГУ- МФТИ, рук. - д.физ-мат-н., проф. РАН К. В. Воронцов – М.Н.)

Аутонегатив хорошо представлен в публикации А. Арестовича «Вы слабые», адресованной населению России (рис.6). Смешанный (гуманитарно-технический) состав авторского коллектива на базе МГУ-МФТИ занимается распознаванием конфликтного контента с целью последующего обучения искусственного интеллекта для автоматического распознавания (автор входит в состав коллектива – М. Н.). Сложность работы с конфликтным дискурсом заключается в том, что каждый конфликтный репликовый шаг эксплуатирует вербализованные искаженные архетипы, на которых базируется информация в конфликтном сообщении.

Эскалация конфликтных репликовых шагов находится в прямой взаимосвязи с выявлением конфликтогем как смысловых триггеров конфликтного дискурса,

которые могут реализованы вербально, невербально и паравербально. Конфликтогенные репликовые шаги в медиадискурсе иллюстрируют манипулятивный алгоритм трансформации вербально-невербального поведения реципиента в сторону агрессии как кульминационной точке конфликта. Так, стратегия «Оскорбление» нацелена на разрушение самооценки у оппонента, формирование у него виктимного поведения: «*Да это поступок идиота!*»; «*Это что за дурак с инициативой?!*»; «*Чего еще можно ожидать от ватника?*». Уровень открытого конфликта использует оскорбления для усиления провокативного вербально-невербального поведения потенциальных участников конфликта в медиасфере, в итоге конфликтогенность медиадискурса выходит из «теневой стороны», приобретая системный и последовательный характер. Конфликтогема этого уровня усиливают конфликтогенность медиадискурса, провоцируя конфликтогенные поведенческие черты у реципиента.

Заключение подводит итог с определением дальнейших исследовательских перспектив. **Перспективы исследования.** Проведенный в диссертации аналитический мониторинг доминирующих конфликтогенных лингвосемиотических стратегий в медиадискурсе позволит создать тезаурус тактик погружения реципиента в конфликтогенность, становясь основой для предупреждения и коррекции девиантных и деструктивных речеповеденческих проявлений у лиц с акцентуацией повышенной конфликтогенности во внутренней картине мира. Кроме того, полученные результаты помогут в уточнении обучающей модели для машинного обучения и дальнейшей разработки автоматического выявления конфликтогенного контента в медиaprостранстве.

Основные публикации, выполненные автором по теме исследования
Статьи, опубликованные в журналах, включенных в перечень ВАК РФ (список РУДН):

1. Карабулатова, И. С., Никитин, М.Ю. Иноязычная VS национальная терминология: лингвоконфликтогенный вызов современной геополитики// Вестник РосНОУ. Серия «Человек в современном мире», 2021, №4, с. 62 – 68, DOI: 10.25586/RNU.V925X.21.04.P.062
2. Никитин, М.Ю., Устьянцева, А.Д., Бородина, Н.В. Лингвоконфликтогенность современного массмедийного дискурса// Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2021. № 4. С. 81-90.
3. Никитин, М.Ю., Карабулатова, И.С., Пахоменкова, О.М. Маркеры лингвоконфликтогенности современного массмедийного дискурса России в эпоху постправды// Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2022. № 2. С. 110-116.
4. Кириллов, А.В., Никитин, М.Ю. Эмотивность как проблема конфликтогенного дискурса современного массмедиа России и Германии// Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2022. № 2. С. 103-109.
5. Никитин, М.Ю., Карабулатова, И.С. Конфликтогема как функционально-прагматическая единица конфликтогенного дискурса в современных массмедиа// Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2022. Вып. 1 (294). С. 103-111. DOI: 10.53598 / 2410-3691-2022-1-294-103-111
6. Карабулатова, И.С., Заварзина, Г. А., Никитин, М. Ю. Особенности лингвоконфликтогенности современного масс-медийного дискурса России// Известия Воронежского государственного педагогического университета, 2022, №2 (295). – С.185 - 191.

Статьи, опубликованные в журналах рейтинга Scopus и Web of Science:

7. Карабулатова, И.С., Шабамбаева, А.Г., Никитин, М.Ю., Резуанова, Г.К., Сыздыкова, Г.Х. Бухарские евреи и тобольские бухарцы на территории юга Западной Сибири и Казахской степи в XVII–XIX вв.: адаптационные практики ухода от конфликтов в купеческой среде // Вопросы истории. 2022, №10 (2). – С. 52-65. – DOI 10.31166/VoprosyIstorii202210Statyi48

Другие публикации (РИНЦ):

8. Никитин, М. Ю. Проблемы лингвоконфликтности иноязычного онима в современной международной бизнес-коммуникации / М. Ю. Никитин, Э. Шехи // Пространство в языке и культуре: сборник материалов круглого стола, Ханты-Мансийск, 25 ноября 2021 года. – Ханты-Мансийск: Югорский государственный университет, 2021. – С. 85-87.

9. Никитин, М. Ю. Конфликтогемы современного масс-медийного дискурса России в эпоху постправды / М. Ю. Никитин, И. С. Карабулатова // Язык. Культура. Сознание / Кокшетауский университет им. Ш. Уалиханова. – Кокшетау: Кокшетауский университет им.Ш.Уалиханова, 2022. – С. 501-508. – EDN NEAYIC.

10. Никитин, М.Ю. Конфликтогема как нейропсихолингвистический маркер манипуляций в современных масс медиа// Медиалингвистика (9). Спецвыпуск. Материалы VI международной научной конференции. Науч. редактор Л.Р. Дускаева, отв. редактор А.А. Малышев. Санкт-Петербург, 2022. С. 379-383.

НИКИТИН МАКСИМ ЮРЬЕВИЧ

Российская Федерация

Реферируемая работа представляет собой результат авторского анализа современного мультимодального конфликтогенного медиадискурса с позиций лингвосемиотики. Это первый завершенный опыт комплексного полипараметрального описания эволюции конфликтогенности в современных медиадискурсе с учетом лингвосемиотического механизма персуазивности. Автор впервые предложил концепцию единого нейропсихолингвистического лингвокультурологического конфликтогенного потенциала, эксплуатируемого медиадискурсом с извлечением скрытых смыслов из базы фоновых знаний с целью формирования и продвижения конфликтогенности как доминирующей черты современного общества. Впервые предложенная автором модель конфликтогема в медиадискурсе как негативного эмотивного созначения в коннотате, что предопределяет полимодальную многокомпонентную лингвоментальную сущность феномена конфликта на уровне дискурсологии, когниции, прагматики, эмотивологии, психолингвистики, коммуникативистики и конфликтологии. Впервые разработан механизм реализации конфликтогема в ситуации полимодального представления информации, представлены конфликтогенные коммуникативные типы, впервые предложена методика мультимодального анализа конфликтогенности с учетом креолизации и пост-интерпретации для трансформации «окна дискурса». В научный обиход введен новый материал, раскрывающий проблематику, стратегии и тактики конфликтогенности в медиадискурсе. Полученные результаты востребованы в вузовской практике, в научных целях и в практической области. Перспективы исследования заключаются в развитии конфликтологии, теории языка, риторики, межкультурной коммуникации, нейро- и этнопсихолингвистики, журналистики и массмедиа. Исследование может быть продолжено в плане исследования маркеров блендирования при анализе конфликтогенных образов в контексте определения их воздействия на реципиентов.

NIKITIN MAKSIM YURYEVICH

Russian Federation

The refereed work is the result of the author's analysis of the modern multimodal conflictogenic media discourse from the standpoint of linguosemiotics. This is the first completed experience of a complex polyparametric description of the evolution of conflictogenicity in modern media discourse, taking into account the linguosemiotic mechanism of persistence. The author for the first time proposed the concept of a single neuropsycholinguistic linguoculturological conflictogenic potential exploited by media discourse with the extraction of hidden meanings from the base of background knowledge in order to form and promote conflictogenicity as the dominant feature of modern society. The model of conflictogeme in media discourse proposed by the author for the first time as a negative emotive connotation, which determines the polymodal multicomponent linguoamental essence of the phenomenon of conflict at the level of discoursology, cognition, pragmatics, emotivology, psycholinguistics, communication studies and conflictology. For the first time, a mechanism for implementing a conflictogeme in a situation of polymodal presentation of information was developed, conflictogenic communicative types were presented, a method of multimodal analysis of conflictogenicity was proposed for the first time, taking into account creolization and post-interpretation for the transformation of the "window of discourse". A new material has been introduced into scientific use, revealing the problems, strategies and tactics of conflictogenicity in the media discourse. The results obtained are in demand in university practice, for scientific purposes and in the practical field. The prospects of the research are in the development of conflictology, theory of language, rhetoric, intercultural communication, neuro- and ethnopsycholinguistics, journalism and mass media. The study can be continued in terms of the study of markers of blending in the analysis of conflictogenic images in the context of determining their impact on recipients.